

Философское краеведение

**ФЛОРЕНЦИЯ ВЛАДИМИРА ВЕЙДЛЕ
(Опыт философского краеведения)***

А.А. КАРА-МУРЗА

Флоренция – столица итальянской Тосканы, родина европейского Возрождения, сыграла значительную роль в истории русской философской и общественной мысли. Можно, к примеру, вспомнить, что именно здесь Петр Яковлевич Чаадаев в 1824 – 1825 гг. задумал свою оригинальную философско-историческую концепцию; Николай Александрович Бердяев написал знаменитый труд «Смысл творчества» (1911 – 1912), а И.А. Ильин – свою этапную работу «О сопротивлении злу силой» (1924 – 1925). Особое место заняла Флоренция в судьбе таких отечественных мыслителей, как Н.В. Станкевич, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Б.Н. Чичерин, М.А. Бакунин, В.В. Розанов, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов, Ф.А. Степун¹. Неповторимый отпечаток этот «умнейший в мире город» наложил на творчество Владимира Васильевича Вейдле (1895 – 1979) – русского культуролога и философа христианско-либерального направления², 120-летие со дня рождения которого отмечалось в марте 2015 г.

Свою первую поездку в Италию 17-летний Владимир Вейдле совершил с матерью и школьным другом Шурой Куренковым весной 1912 г. после окончания немецкого реформатского училища в Петербурге и перед поступлением на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В своих мемуарах, написанных уже на закате жизни, умудренный В.В. Вейдле подробно описал это путешествие, предпослав соответствующей главе искренний и характерный заголовок: «Сто дней счастья, или Моя первая Италия»³. «Ничего более решающего для всего дальнейшего в жизни моей не было, – написал тогда Вейдле. – И никогда, за всю жизнь, не был я так безмятежно, длительно и невинно счастлив, как на ее заре в эти итальянские сто дней»⁴. И далее Вейдле сформулировал определяющую роль своей юношеской влюбленности в Италию (фактически, первых самоощущений некоей «итальянской идентичности»⁵) для всей последующей жизни: «Первая она была и основная, воспитательница всех loves, узнанных мною позже, и которых без нее не узнал бы я, быть может, никогда – к странам, провинциям, городам, к

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «“Локальные идентичности“ как фактор развития русской философско-политической традиции», грант № 14-03-00798.

очеловеченной природе, к воплощенной в очеловечении этом истории. Эрос такого рода захирел и выветривается теперь, но многим был свойствен в прошлом веке и в начале нашего века. Ему научила меня Италия. Если б я ее на пороге юности не встретил, *не стал бы я тем, кем я стал* (курсив мой. — А. К.)»⁶.

Планируя весеннее путешествие 1912 г., семья Вейдле обстоятельно продумала маршрут (многое, судя по всему, было подсказано оставшимся в Петербурге отцом — состоятельным предпринимателем и «почетным гражданином» Вильгельмом Вейдле⁷): решено было ехать сразу, без особых остановок, на итальянский юг, а уже затем, по мере наступления весны, «подниматься» на север. Так, в марте путешественники осмотрели побережье Неаполитанского залива, были в Помпеях, на Везувии, съездили на остров Капри, совершили редкую по тем временам поездку к греческим храмам в Пестуме. Затем прожили почти весь апрель в Риме, посетили умбрийские городки Орвьето, Перуджу и Ассизи, а в начале мая достигли, наконец, Тосканы, поселившись во Флоренции в частном пансионе Бенуа на набережной Серристоры на левом берегу реки Арно, рядом с Piazza Demidoff, связанной с многолетней историей пребывания во Флоренции русской семьи уральских промышленников и меценатов Демидовых⁸.

Вейдле позднее вспоминал их пансион на Lungarno Serristori (его через несколько лет снесли при расчистке квартала): «Историческая Флоренция возле нас кончалась, но мы как раз еще оставались в ней. Трехэтажный наш дом не старинный был, но старенький: во Флоренции чуть ли не до семидесятых годов прошлого (т.е. XIX. — А. К.) века продолжали строить дома безо всякого удобства и к тому же очень флорентийские»⁹. За домом начиналась улочка, почти тропинка (ею любил ходить еще великий Данте Алигьери), по которой можно кратчайшим путем дойти до высившегося на холме старого монастыря Сан-Миниато, откуда открывается захватывающий вид на Флоренцию. Эта панорама, многократно описанная, в том числе и русскими путешественниками, на всю жизнь отпечаталась в сознании Владимира Вейдле: «Гляди и гляди, никогда не устанешь глядеть: вся Флоренция перед тобой, и от одних ее черепичных крыш, от изгиба реки, от единственной в мире, над Фьезоле, линии холмов — будет тебе хорошо, так хорошо, что и немножечко грустно»¹⁰. И далее в мемуарах следует фрагмент о сравнении «идеи Флоренции» и «идеи Рима», не раз варьировавшийся затем в историософских и искусствоведческих сочинениях Вейдле. ««Смерть родилась в Риме», — цитирует Вейдле Шатобриана. — Надо в Риме умереть, чтобы не пришлось ей гнаться за тобой из Рима. А Флоренцию надо увидеть молодым, потому что *нет моложе ее города на свете* (курсив мой. — А. К.). Самым большим счастьем путешествия нашего считаю, что увидел я ее, полюбил, к сердцу прижал в семнадцать лет. И что весна тогда была — май, оттого, что город этот поистине весенний»¹¹.

Спустя несколько десятилетий В.В. Вейдле вернулся к этой теме в специальном «флорентийском очерке»: «Надо видеть Флоренцию в ранней юности, да и не понять ее, пожалуй, никогда, если не взглянуть на нее юношескими глазами. Так много в ней навсегда исчезло, кончилось, прошло, но и самую смерть нельзя помыслить тут старухой. Если и встретишь ее, бродя среди жизнерадостно-многоречивых могильных плит, то не в образе скелета с разящей косой, а в виде отрока, опрокинувшего факел, — такой, как после греков, в первые века христианства видели ее: знамением, преддверием бессмертия»¹².

Удивительно, но в начале все того же, 1912 г., на противоположном берегу Арно, в небольшом пансионе «Луккези»¹³, Н.А. Бердяев, уже вступивший в пору философской зрелости, писал свой «Смысл творчества», тоже навеянный пребыванием во Флоренции. Пафос этой книги¹⁴ во многом совпадает с ощущениями 17-летнего Вейдле, развитыми затем в специальных работах по философии культуры и искусствоведению: «В истории искусства Флоренция всего решительней начинает италийское обновление его и новшества эти обосновывает всего глубже. Перестраивает все искусства, стиль, единящий их, строит на века вперед — уже трудами Джотто и Арнольфо. И совсем бесповоротно, через сто лет, соединенными силами Бруннелески, Донателло и Мазаччо. Новую землю рождают и новые небеса — гораздо более прежних похожие на землю»¹⁵. И точно так же, как почти сорокалетний Бердяев, юноша Вейдле делает однозначный выбор между уже виденным им Римом и Флоренцией — в пользу последней: «Юности нетрудно понять юность. Я Рим забыл (до поры до времени забыл). Я изменил ему, влюбившись во Флоренцию»¹⁶. Спустя многие годы, уже немолодой В.В. Вейдле писал о Флоренции: «Стоит мне подумать о ней, пусть даже и теперь, — и я молодую. Всем дерзостям сочувствую, разрыв с преданием хвалю»¹⁷.

Тогда, в мае 1912 г., юному Владимиру Вейдле очень повезло: опеку над ним в узнавании Флоренции взял Николай Петрович Оттокар, талантливый ученик петербургского медиевиста Ивана Михайловича Гревса (у которого позднее будет учиться сам Вейдле), тоже выходец из русско-немецкой семьи, командированный Петербургским университетом во Флоренцию для написания диссертации¹⁸. Вейдле описывает 28-летнего тогда Оттокара так: «Темные волосы, небольшие усы. Матовое белое лицо, порой розовевшее очень нежно. Прекрасные глаза, лоб, также и руки... Похож в целом больше на итальянца, чем на русского»¹⁹.

В 1912 г. Н.П. Оттокар жил вместе с матерью Цецилией Яковлевной на другой стороне Арно, на Lungarno delle Grazie, прямо напротив пансиона Бенуа²⁰. Позднее Вейдле вспоминал: «Я не считал возможным много времени у него отнимать, но сговорено было, что, когда он захочет нас увидеть, он вывесит с утра полотенце на подоконнике

своей комнаты, а мы, в знак согласия, ответим тем же, после чего в два часа зайдем за ним и он хоть часок погуляет с нами по городу. В последнюю неделю вывешивал он полотенце каждый день, да и у нас в пансионе бывал, обедал со своей милой матерью и со всеми нами... Увижу ли еще раз Флоренцию, не знаю. Но когда вижу ее, во сне или в мечте, все того полотенца ищу, на Лунгарно делле Грацие»²¹.

В своих многочисленных характеристиках Флоренции В.В. Вейдле чаще всего употребляет две — «умная» и «строгая»: «Твердый стержень Флоренция сама дарует любой не слишком растрепанной душе. Дарует, прежде всего, четким обликом своим — привольным, живым, но всегда этой четкостью обузданным... Поглядим еще раз, с холма Сан-Миниато, на черепичные крыши умнейшего в мире города. Как девически изящны и стройны колокольни Бадии и Санта Мария Новелла!»²²

Видел Владимир Вейдле города (а также отдельные шедевры искусства) и покрасивее, и понаряднее, но сердце его всегда оставалось со «скромной» Флоренцией²³: «Палаццо Публико Съены гостеприимней, краше и веселей; Палаццо Веккио флорентийской синьории внушительней, собранней и строже... Среди всех великих живописцев Джотто и Мазаччо наименее нарядны, и Микельанджело презренью ко всякому “реквизиту” учился именно у них... Изю всех великих зодчих послеготической Европы Брунеллески (автор флорентийского собора Санта-Мария дель Фьоре — А. К.) наименее велеречив... Почтенью учит нас ребрастый купол Брунеллески, самый боевой, в своем крутом подъеме, среди всех на свете куполов»²⁴.

Отпущенный для осмотра Флоренции май месяц 1912 г. пролетел очень быстро: «Месяц для Флоренции — только-только... Остальное увижу — мечталось мне, — когда вернусь во Флоренцию через два-три года. Ни на миг мне в голову не приходило, что приеду я сюда — в гости к Николаю Петровичу — из Парижа через двадцать лет»²⁵.

А тогда, в 1912 г., ободренный поддержкой Оттокара, Владимир Вейдле поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился среди прочих у крупнейших итальянистов И.М. Гревса и Д.В. Айналова. После большевистской революции Вейдле — профессор Пермского университета, где он преподавал вместе с Н.П. Оттокаром — деканом местного исторического факультета, а затем и ректором университета. В длинных пермских разговорах с другом речь не раз заходила о далекой Италии: «Поговорим с Николаем Петровичем о Флоренции и осоловеем немного от этого разговора, а потом помнимся: она ведь за тридевять земель. Попадем ли мы еще туда? Верим, верим, или, по русской формуле, с резиньяцией, “будем верить”, что попадем. Будем верить. Не останемся же на всю жизнь без нее!»²⁶

В 1922 г. Н.П. Оттокар получил, наконец, командировку во Флоренцию через А.В. Луначарского и уехал в Италию навсегда. В 1924 г.

В.В. Вейдле эмигрировал во Францию, где прожил до конца жизни. Осенью 1932 г. ему, профессору истории христианского искусства Парижского богословского института, удалось приехать из эмигрантского Парижа в любимую Флоренцию (увы, муссолиниевскую) — впервые после 1912 г. После Второй мировой войны Вейдле, живя в основном в Париже, преподавал историю христианского искусства в Европейском колледже в Брюгге, университетах Мюнхена, Принстона, Нью-Йорка²⁷.

Неоднократно бывал он и во Флоренции — например, в сентябре 1967 г. на торжественных празднествах в честь 700-летия Джотто²⁸. И всякий раз, приезжая во Флоренцию, Вейдле соблюдал один и тот же ритуал: шел в церковь Санта-Мария Новелла или в капеллу Бранкаччи при церкви Санта-Мария дель Кармине смотреть фрески великого Мазаччо²⁹: «А Мазаччо? Какой высший образ Богочеловека сумел он увидеть и явить в капелле Бранкаччи! Но фундаментальней, быть может, для обновления религиозного воображения, неразрывного с обновлением искусства, надгробная фреска его же в Санта Мария Новелла — Распятие с Марией, Иоанном и молящимися мужем и женой у подножия креста; Распятие и одновременно Троица: голубь, летящий к терновому венцу, и во весь рост Отец в глубокой сводчатой нише, держащий в руках поперечную доску креста, на которой распят Распятый. Фреску эту за последнюю четверть века никогда не забывал я благоговейно навещать, в начале и в конце каждой новой встречи моей с Флоренцией»³⁰.

Наблюдая толпы туристов в городах Италии, Вейдле полагал это «итальянское паломничество» и естественным, и благотворным. Поэтому он был уверен, что и традиция русских путешествий в Италию — это ни много ни мало «залог европейского бытия России (курсив мой. — А. К.), ибо нет в Европе страны, где не было бы собственной вереницы итальянских путешествий и своего, одной этой стране присущего вида любви к Италии»³¹.

Поразительный факт: приближаясь к своему 70-летию, Владимир Васильевич Вейдле, в юности писавший неплохие стихи в духе акмеизма, а потом на полвека бросивший это занятие, вдруг снова ощутил в себе поэтический дар. Излишне добавлять, что произошло это во время одной из очередных поездок в любимую Италию.

Италия как «вторая родина» русской души — излюбленная русская тема: от Николая Гоголя до Иосифа Бродского. В конце своей жизни Владимир Вейдле полагал, что сердце настоящего русского и после земной кончины останется в Италии:

Да и биться зачем ему? Незачем.

Заслужило оно благодать

Под крыльцом у цирюльника Чезаре

Розовым камнем спать...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. – М.: Независимая газета, 2001.

² См.: *Кара-Мурза А.А., Жукова О.А.* Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. – М., Институт философии РАН, 2011.

³ *Вейдле В.* Воспоминания / вступ. ст., публикация и комментарии И. Доронченко // Диаспора II. Новые материалы. – СПб.: Феникс, 2001. С. 46 – 95.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ В своих работах *Вейдле* активно использовал понятие «локальная идентичность» по отношению к философам русского Серебряного века (см.: *Кара-Мурза А.А.* Бердяевская Москва. Опыт философского краеведения // Философские науки. 2014. № 4. С. 65 – 77; *Кара-Мурза А.А.* Москва Федора Степуна // Философские науки. 2014. № 8. С. 60 – 77). Понятие «флорентийская идентичность» было применено автором к исследованию творчества замечательного русского писателя-эмигранта Б.К. Зайцева (см.: *Кара-Мурза А.А.* Данте и Пушкин (Флорентийско-московские размышления Б.К. Зайцева) // Россия, история и политика: к 80-летию И.К. Пантина. – М., 2010. С. 113 – 154).

⁶ *Вейдле В.* Воспоминания. С. 49. Аналогичные признания в определяющей роли раннего узнавания Италии в своей дальнейшей судьбе были сделаны Борисом Чичериным, Павлом Милоковым, Борисом Зайцевым, Михаилом Осоргиним и многими другими знаменитыми русскими.

⁷ Отец *Вейдле* сменил немецкое имя «Вильгельм» на русское «Василий» с началом Первой мировой войны.

⁸ Подробнее о роли семьи Демидовых в истории Флоренции см.: *Кара-Мурза А.А.* Демидовы // Знаменитые русские о Флоренции. – М., 2001. С. 27 – 38.

⁹ *Вейдле В.* Воспоминания // Диаспора II. С. 69 – 70.

¹⁰ Там же. С. 70.

¹¹ Там же.

¹² *Вейдле В.* Месяц мертвых // *Вейдле В.* Вечерний день. Отклики и очерки на западные темы. – Нью-Йорк, 1952. С. 58. Флорентийское кладбище рядом с церковью Сан-Миниато *Вейдле* любил называть «самым несмертельным кладбищем на свете» (*Вейдле В.* Воспоминания // Диаспора II. С. 72).

¹³ В наши дни бывший пансион «Lucezzi», где в 1911 – 1912 гг. жил Бердяев с женой Л.Ю. Трушевой и ее сестрой Е.Ю. Рапп, превращен в дорогой отель «Plaza Lucezzi».

¹⁴ Подробнее см.: *Кара-Мурза А.А.* Николай Александрович Бердяев и Евгения Казимировна Герцык // Знаменитые русские о Флоренции. – М., 2001. С. 205 – 219.

¹⁵ *Вейдле В.* Воспоминания // Диаспора II. С. 70.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Н.П. Оттокар (1884–1957) стал в России профессором Санкт-Петербургского, а затем Пермского университетов. Впоследствии, живя во Флоренции и написав несколько книг по флорентийской истории (и перейдя из лютеранства в католичество), Оттокар стал профессором Флорентийского университета и «почетным гражданином» города; похоронен на флорентийском кладбище «Аллори». В.В. Вейдле посвятил старшему другу, открывшему для него Флоренцию в 1912 г., несколько публикаций (см.: *Вейдле В.* Почетный гражданин Флоренции (Н.П. Оттокар) // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 17 июля 1971 г.; *Вейдле В.В.* О тех, кого уже нет (Воспоминания. Мысли о литературе) // Новый журнал. 1993. № 192 – 193. С. 421 – 424).

¹⁹ *Вейдле В.* Воспоминания. С. 75. Другой ученик И.М. Гревса, будущий известный историк и краевед Н.П. Анциферов, встречавшийся с Оттокаром в Италии примерно в это же время, рисует такой портрет: «На вокзале нас встретил Оттокар. Я не ожидал таким увидеть ученика профессора Гревса. Он был одет «с иголочки». Великолепная панاما, серый костюм со всеми складочками (словно его только что утюжили заботливые руки), галстук бабочкой, сверкающие туфли –

могли заменить зеркало. На руках необыкновенного цвета перчатки (помнится, сиреневого). Гладко выбритый, крепкий подбородок, черные холеные усики, несколько оттопыренные губы (зубы слегка выдавались) и глубоко сидевшие, яркие, блестящие глаза... В тот же вечер Н.П. Оттокар прочел нам свою первую лекцию по истории Флоренции, о жестокой борьбе с соседями, о бурной борьбе ее сословий. И Оттокар покори́л меня» (*Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. – М.: Феникс, 1992. С. 290 – 291).

²⁰ Вообще, те месяцы во Флоренции были особо богатыми на посещение «города цветов» русскими путешественниками, прославившимися в отечественной культуре. В 1911 – 1912 гг., например, во Флоренции в очередной раз жил с семьей (на Via Tripoli, совсем рядом с Оттокаром) и работал в местных библиотеках еще один ученик Гревса – Лев Платонович Карсавин (см.: *Кара-Мурза А.А.* Лев Платонович Карсавин // Знаменитые русские о Флоренции. – М., 2001. С. 147 – 152). К слову сказать, спустя год после юного Вейдле, весной 1913 г., Флоренцию посетили и мои родные дед и бабушка – присяжный поверенный Сергей Георгиевич Кара-Мурза и его жена, дочь московского купца второй гильдии Мария Алексеевна, урожденная Головкина. Они жили в отеле «Milano» (на правом берегу Арно), известном посещением многих знаменитостей, в том числе П.И. Чайковского.

²¹ Вейдле В. Воспоминания // Диаспора II. С. 76 – 77.

²² Там же. С. 72.

²³ Возможно, именно это имел в виллу Д.С. Мережковский, когда писал: «Я ни о чем думать не могу, как о Флоренции... Она – серая, темная и очень простая и необходимая. Венеция могла бы и не быть. А что с нами было бы, если бы не было Флоренции!»

²⁴ Вейдле В. Воспоминания // Диаспора II. С. 72.

²⁵ Там же. С. 77.

²⁶ Вейдле В. Воспоминания. Часть вторая / публикация и комментарии И. Доронченкова // Диаспора III. Новые материалы. – СПб.: Феникс, 2003. С. 30. В феврале 2005 г. на историческом факультете Пермского университета, по инициативе Фонда «Русское либеральное наследие», была открыта мемориальная доска В.В. Вейдле.

²⁷ Подробнее см.: Российский либерализм: идеи и люди (общ. ред. А.А. Кара-Мурзы). – М.: Новое издательство, 2007. С. 878 – 886.

²⁸ См. доклад В.В. Вейдле на Международном конгрессе во Флоренции 29 сентября 1967 г. «Джотто и Византия» (*Veidle W.* Giotto et Byzance // Giotto e il suo tempo. Б.м., 1971. P. 197 – 219). Джотто всегда был объектом особого почитания В.В. Вейдле. Известно его выражение: «Перед Мадонною Джотто (в галерее Уффици. – А. К.) вполне возможно пропеть *«Достойно есть, яко воистину»*», став на колени».

²⁹ Увлеченный наполнявшими храмы шедеврами, Вейдле вряд ли подозревал, что, например, в ближайшем к монастырю Санта-Мария Новелла здании несколько месяцев прожил в конце 1839 г. Николай Станкевич, а в домах рядом с церковью Санта-Мария дель Кармине несколько раз жил в 1860-х гг. Александр Герцен.

³⁰ Вейдле В. Воспоминания // Диаспора II. С. 71. Подробнее см.: *Жукова О.А.* Религиозные интенции творчества в художественной культуре России // Вопросы культурологии. 2007. № 9. С. 25 – 27.

³¹ Вейдле В. Притяжение Италии // Вейдле В.В. Вечерний день. Отклики и очерки на западные темы. С. 37.

REFERENCES

Kara-Murza A.A. Berdyaev Moscow. Experience of Philosophical Local History. *Filosofskiye nauki* [Philosophical Sciences]. 2014. No 4 (in Russian).

Kara-Murza A.A. Dante and Pushkin (B.K. Zaitsev's Florentine-Moscow reflections). *Russia, History and Politics: the 80th Anniversary of I.K. Pantin*. Moscow, 2010 (in Russian).

Kara-Murza A.A. Fyodor Stepun's Moscow. *Filosofskiye nauki* [Philosophical Sciences], 2014. No 8 (in Russian).

Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Florence*. Moscow, 2001 (in Russian).

Kara-Murza A.A., Zhukova O.A. *Freedom and faith. Christian liberalism in Russian political culture*. Moscow, 2011 (in Russian).

Veidle V. *Memories. Diaspora. II. New Materials*. Saint Petersburg, 2001 (in Russian).

Veidle V. Italy attraction. *Veidle V. Evening Day. Responses and Essays on Western Themes*. New York, 1952 (in Russian).

Zhukova O.A. Religious Intensions of Creativity in the Artistic Culture of Russia. *Voprosi kulturologii* [Questions of cultural studies]. 2007. No 9. (in Russian).

Аннотация

Русский философ и культуролог Владимир Васильевич Вейдле (1895 – 1979) впервые посетил Флоренцию в возрасте 17 лет. На большом фактическом материале автор статьи уточняет флорентийские адреса Вейдле, показывает, как обстоятельства жизни Вейдле во Флоренции были связаны с разными этапами его интеллектуального творчества.

Ключевые слова: Флоренция, Возрождение, культура, философия, революция, эмиграция.

Summary

Russian philosopher and culturologist Vladimir Vasilievich Veidle (1895 – 1979) visited Florence for the first time at the age of 17. Based on a considerable factual material the author of the article determines the Veidle's Florence address, shows how Florence circumstances were related to different stages of Veidle's intellectual work.

Keywords: Florence, Renaissance, culture, philosophy, revolution, emigration.